

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ (HISTORICAL PSYCHOLOGY & SOCIOLOGY HISTORY)

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-1

УДК 36 : 67 : 94(47)

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОЖИДАНИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ ЗА ПЕРИОД 1944-2014 ГГ.)

Кулагин О.И.

Целью работы стал анализ роли лесопромышленного предприятия в качестве главного объекта социально-экономических ожиданий со стороны переселенцев из Белоруссии в Карелию на протяжении второй половины XX – начала XXI в.

Метод или методология проведения работы. Основой методологии стали элементы микроинституционального анализа промышленного предприятия, представленного в работах Г.Б. Клейнера.

Результаты. На основе анализа архивных документов и научной литературы показано, что сочетание природных, экономических, социальных и демографических условий региона способствовало превращению лесопромышленных предприятий зачастую в единственного актора создания и поддержания социально-бытовой среды как для местного, так и приезжего населения, чье прошлое, настоящее и будущее, было поставлено в прямую зависимость от успешности развития лесопромышленного комплекса. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что разная направленность социально-экономических ожиданий со стороны общества и государства в отношении лесопромышленных предприятий привели к тому, что к концу советского периода уровень социального развития и материального благосостояния населения Карелии, существенную часть которого составляли переселенцы из Белоруссии, не соответствовал ее вкладу в экономику страны. Массовое закрытие лесопромышленных

предприятий в период 1990-х – 2000-х гг. к настоящему времени превратил территории бывших лесных поселков в маргинальную среду обитания, состоящую из населения, обреченного на вымирание.

Область применения результатов. *Сделанные выводы позволяют не только более проблемно взглянуть на социально-экономическую историю Карелии, но и способствовать расширению знаний об истории белорусской диаспоры в Карелии.*

Ключевые слова: *лесопромышленное предприятие; социально-экономические ожидания; белорусы; Карелия; 1944-2014 гг.*

**INDUSTRIAL ENTERPRISE IN A FOCUS OF SOCIAL
AND ECONOMIC EXPECTATIONS OF MIGRANTS FROM BELARUS
(BASED ON TIMBER INDUSTRY OF REPUBLIC OF KARELIA DURING
THE PERIOD OF 1944-2014)**

Kulagin O.I.

The main purpose of the study became the analysis of the role of a timber industry enterprise as the main subject of social and economic expectations of migrants from Belarus in Karelia during the second half of XX – beginning of XXI century.

Methodology. *The base of methodology became elements of micro-institutional analysis of industrial enterprise, which represented in papers of G.B. Kleiner.*

Results. *By analyzing of archival documents and scientific literature shows, that a combination of natural, economic, social and demographic conditions of the region promoted transformation of timber enterprises often into the only actor of creation and maintaining of social and living environment for both local and newcomer population, whose past, present and future was put in direct dependence on the success of the timber industry. The analysis allows to conclude, that by the end of the Soviet period, different directions of social and economic expectations of society and the state led to the fact that the level of social development and material welfare of the population of Karelia, which accounted for a significant portion of immigrants from Belarus, did not comply with its contribution to the national economy. Mass closure of the timber industry enterprises during the 1990s – 2000s by now transformed the former forest settlements in marginal habitats, consisting of the population is doomed to extinction.*

Practical implications. *The conclusions allow not only to form problematic vision at the socio-economic history of Karelia, but also contribute to the expansion of knowledge about the history of the Belarusian diaspora in Karelia.*

Keywords: *timber enterprise; social and economic expectations; Belarusians; Karelia; 1944-2014.*

Введение

Одним из инструментов анализа функционирования той или иной социально-экономической системы является использования институционального анализа, который позволяет проанализировать поведение тех или иных экономических субъектов. При этом лишь системный анализ социально-экономических процессов, являющихся предметом исследования истории, социологии, психологии и демографии, может дать необходимые ответы на вопрос о причинах и особенностях формирования тех или иных социально-экономических проблем.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Исследования, содержащие в себе элементы институционального анализа, нашли широкое отражение в западной экономической науке [26, 28]. Такого рода анализ предполагает различный масштаб исследования. По уровню воздействия институты можно отнести к нескольким уровням: наноинституты, микроинституты, мезоинституты, макроинституты и мегаинституты [3].

Исследование институциональной структуры промышленного предприятия предполагает микроинституциональный уровень анализа. При этом в западной историографии проблематика взаимодействия институтов общества, окружающей среды и различных отраслей промышленности давно уже получила воплощение в многочисленных трудах историков, социологов, экономистов и антропологов [27, 29, 30].

Последнее десятилетие данная проблематика получила свое отражение и в отечественных исследованиях. Под институциональной структурой предприятия Г.Б. Клейнер понимает совокупность микроинститутов, то есть распространяющихся на данное предприятие формальных и неформальных норм, правил, традиций, включая традиции индивидуального и группового видения работниками всего предприятия и его подразделений (подсистем), интерпретации действий руководства и работников, традиции формирования отношений в системе «человек-машина» (эргономические институты) и др. Институциональное пространство предприятия имеет довольно насыщенную структуру, в которой действуют как специфические для данного

предприятия институты, так и проекции общестрановых, территориальных и отраслевых институций [6, с. 8-9]. В ходе повседневной деятельности предприятие систематически взаимодействует с множеством лиц и организаций. Эти взаимодействия носят разнообразный характер и протекают в экономической, правовой, социальной, информационной и других средах. Практически каждое предприятие с момента своего создания находится как бы в фокусе многочисленных ожиданий со стороны самых различных экономических субъектов [6, с. 11].

Постановка проблемы

Объектом исследования стала деятельность лесопромышленных предприятий Карелии в течение 70 лет, начиная с момента их послевоенного восстановления и заканчивая их настоящим состоянием. Предметом изучения стали социально-экономические ожидания переселенцев из Белоруссии, которые в послевоенные годы приезжали для дальнейшей жизни и работы в леспромпхозах Карелии. Одно из главных ожиданий не только переселенцев, но и местного населения Карелии было связано с формированием в республике, социально-экономический потенциал которой был почти полностью разрушен войной, нормальной социально-бытовой инфраструктуры.

Описание исследования

Демографический и социально-экономический облик Карелии особенно с началом процессов советской индустриализации, также после Великой Отечественной войны в наибольшей степени определялся ускоренным развитием лесной промышленности. Очень быстрый рост населения происходил в первые послевоенные годы за счет массовой эвакуации местных жителей, большого притока рабочей силы из Белоруссии и из других республики и областей, демобилизации из Советской Армии высокой рождаемости. За двадцатилетний период между переписями 1939 и 1959 гг. население Карелии, несмотря на большие потери в годы ВОВ, увеличилось на 182 тыс. чел, или на 39 %, в то время как в целом по Союзу – всего лишь на 9,5 %. В начале 1950 гг. ежегодный прирост населения КАССР составлял 4-8 % при среднем по стране 1,7. Громадный механический прирост населения в довоенные и первые послевоенные годы оказал большое влияние не только на численность, но и на состав населения КАССР, его территориальное размещение, характер воспроизводства. [25, с. 123].

Большой приток населения в регион требовал создания необходимых жилищных условий для людей, которые в основном должны были трудиться не только в малоосвоенной лесной местности, но и сталкиваться для многих с непривычными тяжелыми северными природно-

климатическими условиями. Данная задача усложнялась необходимостью ускоренными темпами выполнять производственные планы, установленные государством в рамках послевоенного восстановления народного хозяйства. В время войны в республике были полностью уничтожены 84 населенных пункта, 409 разрушены были частично. Жилой фонд лесной промышленности после войны уменьшился на 92 %. Ухудшилось состояние жилья. В 1945 г. На некоторых лесозаготовительных предприятиях до 75 % жилья нуждалось в капитальном и текущем ремонте. Рабочие размещались в полуразвалившихся бараках довоенной постройки, в землянках, оставшихся от военной поры [7, с. 165].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. ситуация с обеспечением рабочих лесной отрасли нормальными жилищно-бытовыми условиями для их социально-профессиональной адаптации еще более усложнилась. Это было связано с тем, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. активно реализуется переселенческая политика государства для пополнения лесной промышленности постоянными кадрами рабочих, которых необходимо было закрепить на предприятиях. Лесная промышленность не располагала необходимым для этого резервом жилого фонда для размещения прибывавших тысяч семей переселенцев.

Особенно напряженное положение с жильем сложилось в первые годы переселения в первую очередь из Белорусской ССР (1949-1951 гг.), хотя приток переселенцев, как и в последующие годы, не достигал запланированных объемов. Немногие предприятия смогли обеспечить прибывшим нормальные жилищные условия. Часть переселенцев была временно поселена в колхозах, большинство семей было размещено за счет уплотнения в имевшемся и без того недостаточном жилом фонде. В создавшихся условиях плановые показатели по вводу жилья на 1950-1951 гг. были увеличены, при этом отдельно учитывалась подготовка жилья для переселенцев. Однако эти задания не отражали реального положения дел в строительстве. План ввода жилья в эксплуатацию за 1950-1951 гг. был выполнен на 54 %, а план подготовки жилья для переселенцев в 1951 г. – лишь на 45 %. При этом до одной трети жилья составляли отремонтированные и восстановленные дома [7, с. 169-170].

В результате при анализе причин возвращения переселенцев из Карело-Финской ССР в 1949 г. инспектора Управления переселения отмечали в частности, что семьи переселенцев размещались в совершенно непригодных для жилья помещениях (без потолков, крыш, дверей, окон, печей), в переуплотненных и неотремонтированных помещениях. В результате, например, семья рабочего Давыдова из 8 человек на Неминском мастерском участке Медвежьегорского ЛПХ жила в комнате площадью 15 квадратных метров, где было много тараканов и протекал потолок, а семья рабочего Дрожина из 7 человек (4 работающих) жила в 16-метровой

комнате, где потолок провис, оконные рамы сгнили и плита была неисправна [24]. При этом большинство прибывших в ЛПХ переселенцев направлялось не на лесозаготовительные работы, а на строительство и ремонт жилых помещений. При этом у большинства рабочих зарплата не превышала 400-500 рублей в месяц, а финансовое состояние самого ЛПХ, в который они приезжали было очень тяжелым. В 1949 г. общая задолженность Медвежьегорского ЛПХ составляла 14333 тыс. руб., в результате задержки в выплате заработной платы рабочим стали хроническим явлением. К тому же скот по обменным квитанциям переселенцами так и не был получен, приусадебные участки не были выделены, в магазины товары завозились крайне редко. Все выше перечисленное в сочетании с отсутствием необходимого количества мест в яслях и детских садах, а также мест для досуга приводили к тому, что переселенцы отказывались брать ссуды на жилищное строительство в связи с намерением уехать из Карелии в ближайшее время [24].

Как следствие обеспеченность жильем в расчете на одного проживавшего в 1952 г. снизилась по сравнению с 1949 г. с 3,2 м² до 2,6 м². В течение 1949-1951 гг. практиковалось вселение нескольких семей (2-3 или иногда и 4-6) в одну комнату. Для размещения рабочих с семьями использовались землянки и полуземлянки, шалаши, палатки, железнодорожные вагоны и другие непригодные для жилья помещения вплоть до хозяйственных построек. По примерным данным, из прибывших к середине 1950 г. семей переселенцев этого года таким образом было размещено более 20 %, из числа прибывших к середине следующего года семей переселенцев 1951 г. – 9 % [7, с. 170].

Одним из главных источников проблем в обеспечении переселенцев, как из Белоруссии, так и других регионов страны, было то, что государством решалась прежде всего проблема не нормального социально-бытового устройства людей, а крайне острая необходимость побыстрее освоить лесозаготовками новые лесные массивы. В результате переселенцев размещали в совершенно неосвоенных местах. К примеру, весной 1952 г. на лесоучасток Лисья Сельга Олонецкой сплавной конторы было переселено 30 семей переселенцев из БССР. Участок этот был создан лишь в конце 1951 г. В результате на месте проживания 300 человек, многие из которых были детьми, не было ни одного колодца и переселенцам приходилось пользоваться загрязненными водными источниками. Около 10 семей было размещено в бараках в антисанитарных условиях. Сенокосов и раскорчеванных под приусадебные участки земель люди также не получили. Переселенцы не имели также расчетных книжек и не имели четкого представления о своих заработках [19].

Однако причина социально-бытовых проблем переселенцев заключалась не только в объективной невозможности для многих лесопромышленных предприятий своевременно создать нормальные жилищно-бытовые условия, но и в том, что в самой Белорусской ССР особенно на местах мало наблюдалось заинтересованности в том, чтобы обеспечить массово-разъяснительную работу среди населения и провести отбор семей на переселение в Карелию [23]. Были отмечены и случаи, когда райисполкомы в Белорусской ССР в своих интересах сдерживали переселение, желая сохранить за собой необходимую рабочую силу [20].

Примечательно, что обобщая 4-хлетний опыт ежегодного переселения переселенцев в Карело-Финскую ССР Председатель исполкома Куркийокского райсовета Смекалов в своем письме в Переселенческое управление отмечал, что главные причины массового «обратничества» (возвращения на место прежнего проживания) переселенцев были: плохие жилищные условия и тяжелое финансовое положение предприятий, на которых им приходилось работать [22].

В результате за период 1950-1953 гг. в республику было переселено всего 13570 семей, большая часть которых переезжали из Белорусской ССР. За этот же период выбыло 5705 и осталось 7331 семья (без учета семей, вселившихся в прочие организации) [21].

Именно в период 1950-х гг. была, по сути, сформирована основа жилищной инфраструктуры лесных поселков республики. В это время широкое распространение получили одно-, двух- и четырехквартирные сборно-щитовые дома. В данный период они составляли до 70 % всего жилого фонда лесной промышленности. Легкость транспортировки, быстрота сборки и разборки этих домов отвечали особенностям эксплуатации значительного числа мелких лесных поселков, сроки которой порой ограничивались 1-3 или 5-6 годами. В то же время эти дома обладали целым рядом существенных недостатков, из которых главный заключался в плохой теплоизоляции, делавшей их непригодными к эксплуатации в суровых природно-климатических условиях республики. Особенно низким было качество сборно-щитовых домов типа ЩЛ-51, сразу же получивших название «51 щель». К тому же при проектировании такого рода жилья не были учтены изменения в демографической структуре лесопромышленного населения, которое в массе своей приезжало из колхозов Белоруссии. К 1949 г. двух- и трехпоколенные семьи составляли более 75 % всех семей, проживавших в лесных поселках [7, с. 171-174].

К середине 1960-х гг. замедление темпов экономического развития Карелии связано было главным образом со снижением объемов лесозаготовок. Среднегодовой прирост валовой продукции промышленности КАССР составлял: в 1951-1955 гг. 16,1 %, в 1956-1960 гг. 9,3 %, в 1961-1965 гг. 5,9 %. Среди областей и республик Северо-Западного экономического района Карелия по приросту промышленного производства в конце 1960-х гг. занимала последнее

место [5, с. 20], что не могло не отразиться на темпах прироста населения. В 1959-1966 гг. они составляли всего 0,5-1,8%, а в 1967-1968 гг. численность населения даже несколько уменьшилось.

В 1965 г. только по предприятиям лесной промышленности из 102 объектов культурно-бытового и коммунального назначения, подлежащих к вводу в этом году, лишь 32 были введены в эксплуатацию (из 6 детсадов сдано в эксплуатацию – три, из 6 строящихся красных уголков ни один не был сдан в эксплуатацию, из 76 объектов торговли и коммунального назначения, было введено в эксплуатацию только 27). Качество строительства и ремонта жилья и объектов культурно-бытового назначения оставалось весьма низким. Контроль за ходом строительно-ремонтных работ и подготовке к зиме этих объектов со стороны профсоюзных комитетов осуществлялось слабо [14].

Снижение объемов лесозаготовок и нереализованные на протяжении двух десятков послевоенных лет социально-экономические ожидания переселенцев нашли свое отражение в высоких показателях миграционной убыли населения из Карелии, а также текучести рабочих кадров, начавшихся с конца 1950-х гг. и особенно усилившихся с середины 1960-х гг.

Ежегодно только с предприятий Кареллеспрома выбывало 17-22 тыс. промышленно-производственных работников, не считая работников непромышленной группы, ИТР и служащих. Анализ состава выбывавших показал, что большую часть из них (60-70 %) составляли рабочие уволенные «по собственному желанию», за прогул и другие нарушения трудовой дисциплины. Коэффициент текучести в течение длительного времени (1959 – 1966 гг.) колебался в пределах 30-34 %, и лишь в 1967 г. наметилась тенденция к некоторому его понижению. В ряде леспромохозов текучесть кадров достигала 50-60 % и выше [25, с. 127].

Несмотря на столь высокие показатели текучести рабочих кадров в лесной промышленности региона поток переселяющихся в Карелию переселенцев из Белоруссии оставался достаточно значительным, хотя и не шел ни в какое сравнение с переселенческой практикой государства в 1940-х – 1950-х гг. Одним из главных мотивов для того, чтобы приехать из Белоруссии в Карелию в 1960-е гг. для работы на лесозаготовительных предприятиях республики было, по свидетельству ряда участников такого переселения возможность вырваться из колхоза и получить паспорт. Именно этим объясняет свой переезд в Карелию в середине 1960-х гг. В.Т. Гонтаренко, который с 1965 г. начал работу в Лоймольском ЛПХ с откопчика леса для валки. По его свидетельству, так как у колхозной молодежи в сельской местности после армии паспортов не было, то фактически единственная возможность его получить было поехать по вербовке работать на лесозаготовительные предприятия в Карелию. Еще одной причиной переезда для

работы в лесозаготовительную отрасль была возможность заработать трудонормами лес для отправки домой. На 100 заработанных трудонорм давалось тогда 15 кубометров леса [2].

Проведенное еще в советское время социологическое обследование позволило установить основные причины текучести кадров в лесозаготовительной промышленности Карелии, выяснить конкретные мотивы увольнений «по собственному желанию». Ими являлись: неудовлетворенность условиями труда, его организацией и оплатой, жилищными и культурно-бытовыми условиями, а также мотивы личного, семейного характера [25, с. 129]. Проведенное в 1964 г. анкетное обследование текучести кадров в лесной промышленности Карелии показало также, что именно предстоявшее сокращение производств и предстоявшее закрытие предприятий, явились одной из распространенных причин текучести кадров [18, с. 135]. Другими словами, отсутствие перспектив для дальнейшей работы предприятий приводили к массовому оттоку рабочих не только из леспромхозов отрасли, но и в целом из Карелии.

Начало закрытия лесопромышленных предприятий республики, исчерпавших свои лесосырьевые ресурсы, еще более остро поставил проблему сохранения той социально-бытовой инфраструктуры, которой предприятия обзавелись в предшествующие годы. Благодаря отраслевым методам управления территориальным уровнем организации производства, лесные предприятия стали изначально выполнять градообразующие функции в поселении, формируя трудовые ресурсы предприятия, обеспечивая рабочими местами население, занимаясь строительством и содержанием основных объектов социально-бытовой инфраструктуры поселков, осуществляя социальные функции по отношению к населению [13, с. 86].

С начала 1970-х гг. объем жилищного строительства в сфере лесной промышленности неуклонно уменьшался. Если в 1966-1970-е гг. лесопромышленные предприятия получили 144 тыс. кв. м жилой площади, то в 1971-1975 гг. – 78,4 тыс. кв. м, в 1976-1980 гг. – 35,1 тыс. кв. м. Строительство в основном велось в новых поселках. Вследствие неравномерности в территориальном распределении объектов строительства и недостаточных его объемов, не компенсировавших выбытие жилищных площадей, лесная промышленность испытывала постоянный дефицит жилья. В 1970 г. для полного удовлетворения потребностей (по нормативам того времени) в жилье недоставало 325 тыс. кв. м, в 1975 г. – 316 тыс. кв. м. Однако по причине сокращения численности населения лесных поселков обеспеченность жильем (в среднем на одного проживающего) за десятилетие возросла с 6,8 до 8,5 кв. м [8, с. 142]. По свидетельству В.Т. Гонтаренко, только к концу 1970-х гг. в леспромхозах Карелии стали строить нормальное жилье [2].

Однако перманентное сокращение финансирования отрасли начавшееся в середине 1960-х годов и начало закрытия многих лесозаготовительных предприятий стали факторами, закрепившими тенденции консервации отсталой социально-бытовой среды. Здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, что в 1970-х гг., как и 20 лет назад, обеспеченность жилого фонда городов республики коммунальными удобствами была ниже общероссийского уровня. Низкий уровень развитости жилищно-коммунального хозяйства региона не позволял обслуживать сельские коммунальные объекты. Закреплявшаяся в данные годы периферийность и заброшенность лесных поселков вместе с проживавшим в них населением не могло не сказаться уже к 1970 гг. на социальном облике и психологическом климате складывавшихся в этих поселениях.

Эта тенденция хорошо отражена в докладной записке директора Ухтинского леспромхоза М. Шаврина, написанной на имя начальника производственного объединения «Кареллеспром» в мае 1975 г. В ней подчеркивалась тревога по поводу возрастного состава рабочих основных профессий, который в основном был представлен людьми в возрасте от 41 до 60 лет. К данному возрасту относилось 43 % трактористов, 49 % водителей автомобилей, 67 % вальщиков и раскряжевщиков леса. При таком значительном проценте рабочих предпенсионного и пенсионного возраста очень незначительным был процент молодежи, работавшей в леспромхозе: трактористы – 21 %, водители автомобилей – 21 %, раскряжевщики и вальщики – 10 %. В связи с высоким средним возрастом работающих в леспромхозе была достаточно высока общая заболеваемость [15]. Основными причинами увольнения рабочих на данном предприятии являлись плохие жилищные условия. В среднем на одного жителя в леспромхозе приходилось 6,9 кв. метра жилой площади. В составе жилого фонда, как и в предыдущие годы преобладали щитовые дома и дома, перевезенные из бывших лесных поселков Коннусуо, Каклалакша, Кенто, Пильзамо, которые находились в ветхом состоянии. Кроме всего прочего директор леспромхоза в своей докладной записке достаточно точно указывает и на то, что одной из причин низкой производительности труда в лесу и на нижних складах, которую нельзя не учитывать, «...является старение рабочих..., а также тот психологический настрой который годами складывался в коллективе т. е. нежелание перевыполнять нормы, побольше быть дома, заниматься личным хозяйством, так как в основном это местные кадры...» [15].

Отражением отношения населения к сложившейся жилищной ситуации стали данные этнических и этносоциологических исследований, проведенных в 1979 г. Среди населения, которое имело жилье в отдельных ведомственных домах в лесных поселках причины неудовлетворенности жилищными условиями распределились следующим образом (в процентах от

общего числа ответов, указывавших на конкретные причины неудовлетворенности): ветхость строения – 30,0 %, ограниченность жилой площади – 22,1 %, неудобство планировки – 6,4 %. Негативное отношение к отсутствию коммунальных удобств распределилось следующим образом: водопровода – 10,0 %, канализации – 7,1 %, центрального отопления – 12,9 %, газа – 7,1 %, ванны (душа) – 0 %, прочие причины – 4,3 % [8, с. 151]. Период 1980-х гг. не внес кардинальных перемен в жизнь предприятий и лесных поселков Карелии. Это коснулось и предприятий общесоюзного уровня, которые по сравнению с отдаленными лесопунктами должны были бы иметь больше перспектив и возможностей для развития.

Один из старейших в республике Ляскельский ЦБК, построенный еще в конце XIX в. несмотря на проделанную работу по выполнению программы технического перевооружения в предшествующие годы, демонстрировал те же тенденции развития, что и остальные предприятия республики. Все дома в поселках Ляскельского ЦБК относились к категории неблагоустроенных и в основном были деревянными. Из них 124 дома или 22 % с жилой площадью 14168 кв. м были построены до 1939 года, поэтому находились в ветхом состоянии и не подлежали восстановлению. В поселках завода отсутствовало благоустроенное жилье, канализация, водопровод. Водоснабжение осуществлялось посредством подвоза воды автоцистерной. Детские дошкольные учреждения находились в зданиях, изначально не предназначенных для этих целей в 10-ти отдельных небольших зданиях, в том числе в поселке Ляскеля – 6 и поселке Харлу – 4. Численность детей 250 в этих поселках составляла 250 человек [16].

К концу советского периода разная направленность социально-экономических ожиданий со стороны общества и государства привели к тому, что уровень социального развития и материального благосостояния населения Карелии не соответствовал ее вкладу в экономику страны. К 1990 г. республика занимала одно из последних мест по степени благоустройства жилого фонда. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением, водоснабжением, канализацией в Карелии на 10-12 % была меньше, чем в среднем по Российской Федерации. В республике находилось более 130 лесных поселков, доля благоустроенного жилья в которых составляла всего 15-17 %, 32 % жилищного фонда составляли щитовые дома, построенные в 1950-е гг. [17]. По уровню обеспеченности объектами социальной инфраструктуры Карелия занимала 50–60-е места среди республик и областей РСФСР. Одной из самых острых в республике является жилищная проблема: ощущался нехватка жилья, жилищный фонд, особенно в сельских административных районах, имел уровень благоустройства от 8 до 15 % [1, с. 72-74].

С распадом СССР и началом рыночных реформ лесопромышленные предприятия Карелии и их социальная инфраструктура оказались перед новыми вызовами времени. С приватизаци-

ей многими в начале 1990-х гг. связывались большие надежды на повышение эффективности хозяйственной деятельности предприятий, получивших свободу и суверенную самостоятельность. Однако итоги работы лесного комплекса республики за 1993-1996 гг. показали, что эти ожидания не сбылись [11]. Наоборот, в деятельности предприятий усилились негативные явления: впервые появилась безработица, вынужденные длительные простои не отдельных работников, а целых коллективов, возросли воровство, пьянство.

Ситуация еще более осложнилась, когда с целью освобождения предприятий от несвойственных им функций по содержанию объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения и в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 октября 1994 г. N 2027 Правительство Российской Федерации постановило передать все объекты социальной сферы в ведение местных властей. Фактически функции предприятий по содержанию основных объектов социально-бытовой инфраструктуры поселков существенно трансформировались, утратив свои изначальные функции и приобретя новые, свойственные самостоятельным фирмам. Однако даже к концу 1990-х – началу 2000-х экономическая устойчивость предприятий оставалась немаловажной компонентой стабильности социально-экономической ситуации, благодаря тому, что ряд лесопромышленных предприятий продолжал играть значительную роль в жизни поселков, городов, районов – в первую очередь посредством перечисления части налоговых поступлений в местные бюджеты. Кроме того, ряд предприятий оказывал постоянную материальную поддержку объектам социальной сферы – детским садам, школам (обеспечение дровами и многим другим). Подобную помощь населению оказывали тогда практически все леспромхозы [13, с. 86].

Однако при этом за 1991-1998 гг. объем инвестиций, направленных на развитие лесного комплекса, сократился в 18,8 раза. Значительное снижение приходилось на 1994-1997 гг. Ввод в действие новых объектов лесопромышленного комплекса за 1991-1998 гг. практически не осуществлялся. По состоянию на 01.01.99 г. в незавершенном строительстве в лесном комплексе находилось 135 объектов, в том числе приостановленных или законсервированных – 81 [12, с. 17].

Судьба белорусов в Карелии оказалась и в это время неразрывно связана с лесной отраслью региона, так как именно лесные поселки стали местом их компактного проживания в республике в период 1990-х и 2000-х гг. Белорусы, как одна из наиболее представительных национальных групп, которые приехали осваивать север, достаточно прочно осели на этих территориях. Результаты обследования лесных поселков Карелии, опубликованных В.Б. Козыревой, подтверждают, что они вполне гармонично вписались в жизнь местных сообществ. По данным

статистики, к моменту переписи 1989 г. в Карелии проживало 7% белорусов и 3,6% украинцев, и это означает, что эти группы прочно вошли в социальную структуру населения. К 2000 г. национальная структура региона несколько изменилась белорусов снизилась, что является последствием глубокого экономического кризиса [9, с. 166-167].

Условия жизни в лесных поселках Карелии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. еще более ухудшились и не отличались самым минимальным уровнем комфортности и устроенности. Основной жилой фонд этих поселков относился к разряду ветхого, так как основу его, как и в 1970 – 1980-е гг. составляли жилища, построенные в 1950-х гг. Дома барачного типа, не имевшие элементарных удобств, к этому периоду пришли в полную негодность, но в них продолжали жить люди. Данная ситуация была характерна для многих лесосырьевых районов Карелии, некоторые из которых стали местами компактного проживания выходцев из Белоруссии, в первую очередь, Муезерского, Беломорского, Сегежского, Пудожского и других. Это подтверждается результатами социологических обследований лесных поселков данных районов [9, с. 168]. Как показали результаты обследований, качества жилья оценивалось респондентами – жителями лесных поселков, в основном как неудовлетворительное. Только от 13,7 до 35,5 % респондентов считали, что их жилье находится в хорошем состоянии. Данный параметр имеет такой разброс по причине того, что, с одной стороны, обследование проводилось в разных поселках, во-вторых, сами оценки респондентов не всегда соответствовали действительности. Например, некоторыми жителями барак, который еще не развалился, считался хорошим жильем [10, с. 148].

При этом в ветхом, не подлежащем ремонту жилье, к концу 1990-х – начале 2000-х жили от 16,3 до 29,8 % респондентов. Капитального ремонта, на который не было средств ни у самих жителей, ни у предприятий, ни у местной власти, по мнению респондентов, требовало от 40-55 % жилых помещений. В целом, 60-70 % респондентов жили в плохих или ветхих, или требующих капитального ремонта домах. К сожалению, за период с 1997 по 2004 гг. эта тенденция не только сохранилась, но даже усилилась. Особую остроту она приобрела, когда жилье приходило в негодность на фоне падения благосостояния семьи, экономического кризиса градообразующего предприятия и общего экономического спада в стране [10, с. 148-149].

К сожалению, на сегодняшний день положение населения лесных поселков стало еще хуже. Характерным в данном случае стало положение жителей трех лесных поселков, расположенных практически у самой границы Карелии с Финляндией – Тумба, Мотко и Лендеры, сложившееся к лету 2014 г. С конца апреля половина домов там осталась без света – в одном из болот сгнил столб, падая, он порвал электропровода. Помощи оставшимся жителям ждать

неоткуда. В темное время суток в поселок из лесов выходят волки и лисы, таскают собак. 24 часа в сутки жители Мотки, Лендер и Тумбы беспробудно пьют самогон, который сами же и гонят. Едят голубей, рыбу, которой в местных озерах предостаточно, грибы и ягоды. Те же, у кого есть ружья, ходят на охоту [4].

Первый заместитель министра экономического развития республики Карелии Лев Шустов в беседе с корреспондентом «БалтИнфо» пояснил, что местные власти фактически бессильны: «В РЖД считают, что это направление убыточное. Им пользуется слишком мало людей. Но дело в том, что альтернативы у нас никакой нет – автомобильные дороги в ужасном состоянии, по ним даже летом не проедет ничего, кроме танка, так как там одни болота. Оформить пригородные перевозки и содержать их за счет республиканских средств мы не можем. Вот и получается, что поселки окажутся буквально отрезанными от мира. Мы категорически против таких мер, но решить проблему, к сожалению, никак не можем», – добавил Шустов.

Местные жители мрачно шутят, что, если «железку» закроют, то останется только одно – попроситься в состав Финляндии. Где и дороги хорошие, и колодец зимой не нужно долбить колом, чтобы добыть ведро воды [4].

Заключение

За прошедшие 70 лет лесопромышленные предприятия Карелии оставались основным объектом социально-экономических ожиданий со стороны переселенцев из Белоруссии и их потомков. В эти годы лесопромышленные предприятия республики взяли на себя, по сути, социальную и финансовую ответственность за развитие и сохранение социальной инфраструктуры лесных поселков, которую в условиях хронического недофинансирования со стороны государства было тяжело реализовывать в полном объеме. Период 1990-х – 2000-х гг. поставил население лесных поселков, включая бывших переселенцев из Белоруссии, перед новыми трудностями. К настоящему моменту многие лесные поселки Карелии представляют собой маргинальную среду обитания, состоящую из населения, обреченного на вымирание. Завершая свой 70-летний жизненный цикл лесные поселки, по сути, вернулись к состоянию послевоенной разрухи.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Международный конкурс РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) 2015 года, проект № 15-21-01004 а(м) «Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (середина XX – начало XXI веков)».

Список литературы

1. Батулин С.Н. Проблемы развития социальной инфраструктуры в Карельской АССР // Проблемы и перспективы развития народнохозяйственного комплекса Карелии. Тезисы докладов на всесоюзной научно-практической конференции. Петрозаводск, 12-14 сентября 1989 г. – Петрозаводск: Карельский филиал КНЦ, 1989. С. 72-74.
2. Интервью с В.Т. Гонтаренко от 10.01.2015 г. // Личный архив автора.
3. Исламутдинов В.Ф. Сущность и классификация институтов институциональной среды инновационной деятельности // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). Т. 6. № 2. 2014. С. 81-82.
4. Карелия: инструкция по выживанию. <http://www.stfond.ru/articles.htm/img/images/articles.htm?id=6018> (дата обращения 20.05.2015).
5. Карельская АССР за 50 лет: Стат. Сб. – Петрозаводск, 1967. 160 с.
6. Клейнер Г.Б. Институциональная структура предприятия и стратегическое планирование. – М.: государственный университет управления, 2004. 29 с.
7. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии: 1945-1960: историко-социологические очерки. – Л.: Наука, 1988. 212 с.
8. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии 1960–1980-е годы: историко-социологические очерки. – Петрозаводск, 2000. 199 с.
9. Козырева Г.Б. Проблемы формирования социальных институтов устойчивого лесопользования. – Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2006. 254 с.
10. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ, № 197». – Москва, МОНФ, 2007.
11. Кулагин О.И. Роль государства в трансформации социальных институтов в 1990-е гг.: от патернализма к эскапизму (на примере лесопромышленного комплекса Республики Карелия) // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 36. С. 157-169.
12. Лесной комплекс Республики Карелия в 1998 году: Аналитическая записка / Госкомстат РК. – Петрозаводск, 1999. 28 с.
13. Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990-1999 гг.) [Под общей редакцией Е.Г. Немковича, А.М. Цыпука, А.И. Шишкина]. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 164 с.
14. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 136. Л. 26.

15. НАРК. Ф. П-3. Оп. 26. Д. 192. Л. 95-96.
16. НАРК. Ф. П-3. Оп. 35. Д. 298. Л. 95.
17. НАРК. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 93. Л. 12.
18. Покровская И.П. Проблемы населения и рационального использования трудовых ресурсов Карельской АССР // Развитие и размещение производительных сил Европейского Севера СССР (тезисы регионального совещания). – Петрозаводск, 1966. С. 131-136.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 607. Л. 4.
20. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 685. Л. 51-52.
21. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 769. Л. 3.
22. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 689. Л. 1-2.
23. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 645. Л. 4-5.
24. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 408. Л. 8-12.
25. Экономические проблемы развития производительных сил Карельской АССР. – Ленинград: Наука, 1971. 144 с.
26. Duke G.M. An institutional and behavioral analysis of land-use conflict resolution: Degree: Ph.D. Institute. – Madison, 1998. 382 p.
27. Hoffman A.J. The environmental transformation of American industry: an institutional account of organizational evolution in the chemical and petroleum industries (1960-1993): Degree: Ph.D. Institute. – Massachusetts, 1995. 347 p.
28. Stone B.A. Journal of investing. Vol. 9. No. 3 (2000): 81-94.
29. Tyrer R.B. The demographic and economic history of the Audiencia of Quito: Indian population and the textile industry, 1600-1800: Degree: Ph.D. – Berkeley, 1977. 310 p.
30. Vasquez Parraga A.Z. Economic cycle, migration, and employment: a model of conjunctural development. The fishmeal industry in Peru, 1940-1985 (household economy, informal sector, population determinants): Degree: Ph.D. – Austin, 1986. 565 p.

References

1. Batulin S.N. Tezisy докладov na vsesoyuznoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy i perspektivy razvitiya narodnohozyajstvennogo kompleksa Karelii» [Abstracts of the All-Union Scientific and Practical Conference «Problems and prospects of development of economic complex of Karelia»]. – Petrozavodsk, 1989. Pp. 72-74.

2. Interv'yū s V.T. Gontarenko ot 10.01.2015 g. [Interview with V.T. Gontarenko from 01.10.2015] // Lichnyj arhiv avtora [Personal archive of the author].
3. Islamutdinov V.F. Journal of institutional studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij). Vol. 6, no 2 (2014): 81-82.
4. Kareliya: instrukciya po vyzhivaniyu [Karelia: instructions for survival]. <http://www.stfond.ru/articles.htm/img/images/articles.htm?id=6018>
5. Karel'skaya ASSR za 50 let: Stat. Sb. [Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic in 50 years: Stat. Coll.]. – Petrozavodsk, 1967. 160 p.
6. Klejner G.B. Institucional'naya struktura predpriyatiya i strategicheskoe planirovanie [The institutional structure of the company and strategic planning]. – Moscow: State University of Management, 2004. 29 p.
7. Klement'ev E.I., Kozhanov A.A. Sel'skaya sreda i naselenie Karelii: 1945-1960: istoriko-sociologicheskie ocherki [The rural environment and the population of Karelia: 1945-1960: historical and sociological essays]. – Leningrad: Nauka, 1988. 212 p.
8. Klement'ev E.I., Kozhanov A.A., Sel'skaya sreda i naselenie Karelii 1960–1980-e gody: istoriko-sociologicheskie ocherki [The rural environment and the population of Karelia: 1960-1980: historical and sociological essays]. – Petrozavodsk, 2000. 199 p.
9. Kozyreva G.B. Problemy formirovaniya social'nyh institutov ustojchivogo lesoupravleniya [Problems of formation of social institutions for sustainable forest management]. – Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAN, 2006. 254 p.
10. Kozyreva G.B. Social'no-ehkonomicheskie posledstviya lesnoj politiki sovremennoj Rossii [Socio-economic impacts of forest policy of modern Russia]. A series of «Scientific Reports: Independent Economic Analysis, № 197». – Moscow, MONF 2007.
11. Kulagin O.I. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]. No. 36 (2013): 157-169.
12. Lesnoj kompleks Respubliki Kareliya v 1998 godu: Analiticheskaya zapiska [Forestry complex of the Republic of Karelia in 1998: Analytical Report]. – Petrozavodsk, 1999. 28 p.
13. Lesopromyshlennyj kompleks Respubliki Kareliya (1990-1999 gg.) [Timber industry complex of Karelia (1990-1999)]. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2000. 164 p.
14. Nacional'nyj arhiv Respubliki Kareliya [National Archive of the Republic of Karelia] (NARK). F. P-3. Op. 16. D. 136. L. 26.
15. NARK. F. P-3. Op. 26. D. 192. L. 95-96.

16. NARK. F. P-3. Op. 35. D. 298. L. 95.
17. NARK. F. P-3. Op. 49. D. 93. L. 12.
18. Pokrovskaya I.P. Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nyh sil Evropejskogo Severa SSSR (tezisy regional'nogo soveshchaniya) [Development and distribution of productive forces of the European North of the USSR (the regional meeting abstracts)]. – Petrozavodsk, 1966. Pp. 131-136.
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki [Russian State Archive of Economy] (RGAE). F. 5675. Op. 1. D. 607. L. 4.
20. RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 685. L. 51-52.
21. RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 769. L. 3.
22. RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 689. L. 1-2.
23. RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 645. L. 4-5.
24. RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 408. L. 8-12.
25. Ekonomicheskie problemy razvitiya proizvoditel'nyh sil Karel'skoj ASSR [Economic problems of development of the productive forces of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Leningrad: Nauka, 1971. 144 p.
26. Duke G.M. An institutional and behavioral analysis of land-use conflict resolution. – Degree: Ph.D. Institute: The University of Wisconsin-Madison (1998).
27. Hoffman A.J. The environmental transformation of American industry: an institutional account of organizational evolution in the chemical and petroleum industries (1960-1993). – Degree: Ph.D. Institute: Massachusetts Institute of Technology (1995).
28. Stone B.A. Journal of investing. Vol. 9. No. 3 (2000): 81-94.
29. Tyrer R.B. The demographic and economic history of the Audiencia of Quito: Indian population and the textile industry, 1600-1800. – Degree: Ph.D. Institute: University of California, Berkeley (1977).
30. Vasquez Parraga A.Z. Economic cycle, migration, and employment: a model of conjunctural development. The fishmeal industry in Peru, 1940-1985 (household economy, informal sector, population determinants). – Degree: Ph.D. Institute: The University of Texas at Austin (1986).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кулагин Олег Игоревич, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент

*Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, д. 33, г. Петрозаводск, Республика Карелия, 185910, Россия
olkulagin@yandex.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4891-1484*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kulagin Oleg Igorevich, Associate Professor of Chair of history of Russia, Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor

*Petrozavodsk State University
33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia
olkulagin@yandex.ru*